

ПОДВИЖНИК И РАДЕТЕЛЬ

Горчайшее пришло известие, что от нас ушёл Валентин Яковлевич Курбатов — наш стародавний друг и автор «Гостиного Двора», известнейший во всех краях нашей страны писатель, критик, литературовед, лауреат Государственной премии России 2020 года...

Совсем недавно, в феврале я попросил его прислать нам в журнал большой отрывок из подготовленной уже к изданию книги его переписки с Валентином Григорьевичем Распутиным. И именно о том весьма сложном времени, когда мы решали, ехать ли по приглашению Виктора Петровича Астафьева к нему в его деревню Овсянку или всё же отказаться. Я пообещал Валентину, что дам им весь отрывок без каких-либо сокращений, и он прислал его, а следом написал: *«Ну, прочитал? А то «дадим». Старый уж, пора упаднуть авторов. А то ещё и в текст не заглянул, а уже обещание. Мы, брат, авторы — народ ранимый. Многие со мной разойдутся после этой книги. Но уж всё равно помирать. Как уж прожил, так прожил — не переживуешь...»*

Что это было, предчувствие? Но и здоровье его на девятом десятке уже поизношено было, о чём он с иронией поминал иногда.

Я пообещал ему написать врезку к публикации, чтобы несколько разъяснить ситуацию того времени, и 5 февраля он ответил: *«Спасибо, Пётр! Непременно напиши свою врезку. А я вчера получил письмо из «Сибирских огней». Я послал им переписку летом, когда ещё и не думал о книге. Просто собрание писем: не заинтересуют ли? Они промолчали. И я забыл. А вчера вот, говорят, печатают. Думаю, это не помешает тебе. При нынешних-то тиражах... А не показать ли мне ещё часть их, скажем, в журнале «Алтай» или в «Бийском вестнике»? Пусть живут и работают, потому что книжка-то ещё под вопросом.*

Обнимаю тебя.

Твой В.Курбатов».

Это стало его последним письмом ко мне...

Тогда, в далёком уже 1996 году «лихих девяностых», Виктор Петрович Астафьев прислал мне письмо с приглашением на литературно-библиотечный семинар, куда он созывал многих известнейших писателей. Прежде чем ответить ему, я срочно созвонился с Валентином Распутиным — ехать ли нам, поскольку ввиду накопившихся резких идейных, да и литературных разногласий

с автором романа «Прокляты и убиты» эта встреча с высокой долей вероятности превратилась бы в непримиримый спор, если не скандал, никак не нужный русской патриотической словесности. Распутин уже связался по этому поводу с Василием Беловым и Виктором Лихоносовым, и нами решено было воздержаться от встречи, не сулившей ничего доброго. В ответном письме Астафьеву я под благовидным предлогом извинился, что не получается приехать. А вот Валентин Яковлевич был несколько иного мнения о случившемся разладе между «единокровными» людьми-писателями и в той встрече участвовал. Предлагаемый читателям нашего журнала фрагмент их почти сорокалетней переписки как раз и освещает суть этих разногласий, вполне злободневных и сейчас, и в известной

мере в правоте Валентину Курбатову тоже никак не откажешь. Теперь же они все трое примирены в едином списке великой русской классики.

Наследие, которое оставил нам Валентин Яковлевич Курбатов, мало сказать — большое, но и весьма разнообразное. Порою кажется, что нет такого значимого события в литературной, да и общественной жизни России за последние полвека, на которое бы он так или иначе не отозвался острым умом своим и сочувствующим сердцем. Двадцать пять лет он был вместе с Владимиром Ильичом Толстым организатором и душой ежегодных Международных писательских встреч в Ясной Поляне и членом жюри одноимённой премии.

Вечная память и наша благодарность ему, подвижнику и работнику современной русской литературы.

Пётр КРАСНОВ